

И.А. Бессонов

Белая Арапия: загадочная страна из фольклорной географии.

В русской литературе XIX в. периодически встречается непонятный для современного читателя топоним *Белая Арапия*. Впервые он обнаруживается в пьесе А.Н. Островского «Праздничный сон до обеда» (1856), описывающей быт купеческой Москвы:

Ничкина. Нового нет ли чего?

Красавина. Что бы тебе новое-то сказать? Да вот, говорят, что царь Фараон стал по ночам из моря выходить, и с войском; покажется и опять уйдет. Говорят, это перед последним концом.

Ничкина. Как страшно!

Красавина. Да говорят, белый арап на нас подымается, двести миллионов войска ведет.

Ничкина. Откуда же он, белый арап?

Красавина. Из Белой Арапии.

Ничкина. Как будет на свете-то жить! Такие страсти! Времена-то такие тяжелые! [11. С. 20]

Упоминание белых арапов мы находим в романе А.С. Тургенева «Новь» (1877). Там говорится, что «старая няня Васильевна во время обеда входила с большим темным платком на голове и рассказывала шамкавшим голосом про всякие новости: про Наполеона, двенадцатый год, про антихриста и белых арапов» [13. С. 434]. Таким образом, Белая Арапия — это страна, в которой живут «белые арапы», образ которых отчетливо связан с эсхатологической тематикой: они упоминаются в одном ряду с Антихристом, Наполеоном и «последним концом». Откуда мог возникнуть этот причудливый и экзотический образ?

Впервые к его анализу обратился Л.И. Чернышев в очерке «Темные слова в русском языке» [19. С. 306]. По его мнению, термин *белые арапы* в XVIII — первой половине XIX в. использовался как обозначение арабов, противопоставленных неграм — «черным арапам». Слово *арап* попало в русский язык не позднее XVI в. и могло обозначать как арабов, так и негров, хотя в XVIII в. чаще использовалось во втором значении [18. С. 50]. Подобное употребление нередко порождало путаницу. Так, русский путешественник XVII в. Ф.А. Котов специально пишет о живущих вблизи Барсы бедуинах, что «те арапы нечерны, черны арапы под Индею»¹ [16. С. 119]. Украинский историк Д.И. Яворницкий (1855-1940) отмечает, что запорожские казаки называли *Белой Арапией* Египет [21. С. 275]. Таким образом, разграничение «черных» и «белых» арапов встречалось в восточнославянской этнонимике вплоть до XIX в., когда они стали именоваться «неграми» и «аравитянами» соответственно. В народной традиции эта омонимия удерживалась дольше: так, казаки-некрасовцы в начале XX в. именовали Сирию *Арапией*, а ее жителей *арапами* [10. С. 52, 71].

1 Как видно, Ф.А. Котов также причисляет к черным арапам темнокожих по сравнению с арабами индийцев.

Приведенные выше данные никак не объясняют связи «белых арапов» с эсхатологической тематикой. Ведь очевидно, что этот образ попал в русский фольклор и художественную литературу из-за того, что «белый арап» воспринимался как противник России в будущей эсхатологической войне. По всей видимости, причиной возникновения подобных слухов явились внешнеполитические события 1833 г. Тогда Николай I отправил русские войска на помощь турецкому султану против наступавшей на Константинополь армии Мухаммада Али, правителя Египта. Положение Османской империи в то время было отчаянным — египетская армия одержала несколько блистательных побед над турками, войска Мухаммада Али, заняв Сирию и азиатскую часть Турции, находились недалеко от Константинополя. Россия, надеясь на укрепление своего влияния в Турции, оказала серьезную помощь султану: в Босфор вошли русские военные корабли, около десяти тысяч русских десантных частей разместились на азиатском берегу Босфора [6. С. 65]. Египтяне были вынуждены прекратить наступление и начать мирные переговоры. Перспектива войны с загадочным и неизвестным противником, по-видимому, произвела сильное впечатление на русских солдат. Н.А. Крылов в 1906 г. писал, что «полвека назад среди оставшихся матросов черноморского флота много еще было живых, которые помнили *поход под белого арапа*. Так матросы и пехотный десант с полевыми артиллеристами называли помощь императора Николая Павловича, которую в 1833 г. он оказал турецкому султану против взбунтовавшегося египетского хедива» [8. С. 694-695]. По-видимому, именно после этого похода в России стали популярны слухи о войне против «белого арапа».

В первом обнаруженном нами упоминании этого выражения, относящемся к 1856 г., мы еще находим очень многое, свидетельствующее о первоначальном «египетском следе». В выражении «царь Фараон стал по ночам из моря выходить» мы видим отражение легенды библейского происхождения об утонувшем в Чермном море воинстве Фараона, превратившимся в *фараонов* — полулюдей-полурыб. Один из связанных с ними фольклорных сюжетов действительно ассоциируется с эсхатологической темой: фараоны спрашивают, когда наступит конец света. Ср. у казачьего этнографа И.И. Железнова: «В ину пору эти самыя чудовища, их тоже зовет фараонами, ухватятся за корабль ручищами, словно граблями, да и спрашивают: "когда Осподь с судом сойдет?" "Завтра" иль-бо "после завтра", скажут им с корабля, чтобы только отвязаться <...> Им, вишь, узаконено жить в море до преставленья света. Тогда, вишь, их и рассудят с царем фараоном: из-за него, ведь, погибли и сделались получеловеками» [5. С. 56]. У А.Н. Островского появление царя Фараона мыслится как эсхатологическое чудо, предвещающее скорое наступление «последнего конца». Уже в следующей фразе возникает образ «белого арапа», который легко встраивается в формирующуюся цепочку ассоциаций. Связь «белого арапа» с царем Фараоном объясняется просто — оба они связаны с Египтом. Русские солдаты, разместившиеся в 1833 г. в Турции, несомненно слышали о том, что будут воевать с Египтом; упоминание Египта могло родить библейские ассоциации с исходом евреев и потоплением в море воинства Фараона. Интересно, что героиня Островского рассказывает о предстоящих событиях так, как могли бы говорить о них русские солдаты и матросы, разместившиеся на Босфоре: «Белый арап на нас подымается, двести миллионов войска ведет». Кроме того, в пьесе Островского содержится еще один эсхатологический мотив — завуалированная отсылка к Апокалипсису: «Шестой Ангел вострубил, и я услышал один голос от четырех рогов золотого жертвенника, стоящего пред Богом, говоривший шестому Ангелу, имевшему трубу: освободи четырех Ангелов, связанных при великой реке Евфрате. И освобождены были четыре Ангела, приготовленные на час и день, и месяц и год, для того, чтобы

умертвить третью часть людей. Число конного войска было две тьмы тем; и я слышал число его» (Откр 9, 13 —17). Численность апокалиптической вражеской армии — «две тьмы тем» равна приведенному в пьесе А.Н. Островского числу 200 миллионов. Изображенный в Апокалипсисе переход войска через Евфрат в античных и более поздних — средневековых и современных источниках обычно ассоциируется с эсхатологическим нашествием с Востока². Подобное отождествление «белого арапа» с эсхатологическим противником имеет место и в данном случае.

По-видимому, важную роль в усвоении образа «белого арапа» сыграло то, что русские солдаты должны были воевать с неизвестным противником, в отличие от хорошо знакомых им французов, турок или венгров. Мало того, этот противник уже прославился своей непобедимостью, одержав массу блестящих побед над старинными врагами России — турками. Не менее значимо то, что самого боевого столкновения не произошло — русские так и не увидели египетских солдат и реального впечатления о них получить не могли, поэтому заменили его фантастическими представлениями фольклорного и книжного, в том числе библейского, происхождения. Наконец, нельзя исключать влияния на русских солдат слухов и толков, ходивших в Константинополе: в фольклоре народов Османской империи военная угроза столице традиционно связывалась с эсхатологической темой.

Таким образом, мы относим начало распространения образа белых арапов в русской народной традиции к 1830-м гг. В пьесе А.Н. Островского, написанной в 1856 г., «белый арап» предстает как эсхатологический противник России, косвенно ассоциирующийся с Египтом. В романе А.С. Тургенева «Новь» (1877) «белые арапы» также ассоциируются с эсхатологической тематикой, однако связь с Египтом исчезает. В последние десятилетия XIX в. Белая Арапия начинается отождествляться с новым эсхатологическим противником России — Китаем (представление о будущей войне с Китаем, отождествленного с Гогом и Магогом, было широко известно уже в середине XIX в. [15. С. 229]). Так, в очерке А.И. Левитова «Сцены и типы на сельской ярмарке» (1884) читаем: «А эфто, господа, город Китай в Беларапской земле на поднебесной выси стоит» [9. С. 36]. Такое же отождествление находим в статье М. Дикарева, опубликованной в 1894 г.: «Великороссы Нежнедевицкого уезда (Ворон губ.) рассказывают, что перед страшным судом Китай (он же Белая Арапия) покорит весь свет, в том числе и Белого Царя, которого будет держать в плену три года; как только Белая Арапия выпустит из плена Белого Царя — немедленно же настанет конец света» [4. С. 160]. В этом тексте помимо отождествления Белой Арапии с Китаем мы обнаруживаем сквозной мотив белого цвета, указывающий на то, что образ Белой Арапии начинает восприниматься в первую очередь через цветовую характеристику.

Осмысление семантики белого цвета стоит в центре еще одного фольклорного произведения, посвященного Белой Арапии, — этиологической легенды о происхождении ее жителей. В истории, в 1855 г. рассказанной русскому офицеру в армянском селении в Херсонской губернии, повествуется, «откуда пошли белые арапы» [8. С. 695-696]. Дева Мария по пути в Египет остановилась у одной арабки и вымыла младенца Христа во взятом у нее корыте. После того арабка и ее муж омылись этой водой и стали белыми. В

² Ср., например, предсказание нашествия с Востока у латинского писателя Лактанция (IV в.): «Запад попадет в рабство, а Азия получит власть повелевать» [7, 510]. В дальнейшем образ великой армии восточных народов, переходящей Евфрат, возникает во многих католических и православных произведениях.

данном случае эсхатологические коннотации отсутствуют, сами белые арапы интересны как своего рода экзотика, диковинка, происхождение которой объясняет данная легенда.

Помимо литературных произведений и записей фольклора, в которых Белая Арапия связывается с эсхатологической тематикой, у этого образа существуют и социально-утопические коннотации. Впервые мы находим их в повести Г.П. Данилевского «Воля» (1863). Там беглые крестьяне рассуждают: "В Белую Арапию, тетка, уйдем, коли так!" "Да вы сдавайтесь, беспутные! <...> Ну куда вы затеяли, в какую такую это Белую Арапию? Где она?" "На вольных землях за Астраханью, где рай житье, на речке Белорыбице" [3. С. 364]. В дальнейшем представления о «Белой Арапии» как о фантастической, чудесной «далекой земле» кочуют из сочинения в сочинение. Некоторую лепту в популяризацию этого выражения вносит новая пьеса А.Н. Островского «Тяжелые дни», опубликованная осенью 1863 г. в журнале «Современник». В ней писатель снова употребляет топоним *Белая Арапия*. Герой пьесы Досужев произносит такой монолог: «А живу в той стороне, где дни разделяются на легкие и тяжелые; где люди твердо уверены, что земля стоит на трех рыбах и что, по последним известиям, кажется, одна начинает шевелиться: значит, плохо дело; где заболевают от дурного глаза, а лечатся симпатиями; где есть свои астрономы, которые наблюдают за кометами и рассматривают двух человек на луне; где своя политика, и тоже получают депеши, но только все больше из Белой Арапии и стран, к ней прилежащих» [12. С. 3]. Как видно, герой передает популярные народные воззрения и толки, часть из которых носит эсхатологический характер (шевеление рыбы, на которой стоит земля, наблюдение комет и упоминание Белой Арапии). Тем не менее эсхатологический контекст образа, известный самому А.Н. Островскому, здесь неочевиден; незнакомый с ним читатель скорее воспримет Белую Арапию как причудливый, абсурдный образ, созданный народной фантазией.

В 1864 г. Апполон Григорьев в статье «Отживающие в литературе явления» использует словосочетание *белая Арапия* как синоним несбыточных, утопических мечтаний, в частности называя роман Чернышевского «Что делать?» «эпопеей о белой Арапии» [2. С. 5]. В.М. Чернов, вспоминая свою учебу в Дерпте в 1891 г., рассказывает о своем споре с приятелем: «Я придумал на досуге еще один аргумент, который преподнес товарищу с большим торжеством, считая его убийственным. Вот он пренебрежительно относится к русскому крестьянству за его рабью покорность и пассивность, за способность только бунтовать на коленях и уходить куда-то искать "Белую Арапию" <...> Вместо того, чтобы искать выхода из своего положения во времени, бороться за лучшее будущее, он «взыскует града» в пространстве» [17. С. 79—80]. В.Г. Богораз в 1908 г. пишет очерк «Белая Арапия», посвященный русской эмиграции в Канаду, в котором, в частности, содержится такой пассаж: «Русская народная мысль со странным упорством обращается к этому вопросу: "Где лежит такое царство, Белая Арапия?" Там реки молочные, кисельные берега, там вольные мужики и "вместо подати подушной там по душам благодать", по старому раскольничему присловью» [1. С. 249]. В опубликованной в 1915 г. статье А.И. Фаресова «Отголоски войны в деревне» приводятся слова кого-то из его собеседников — сельских интеллигентов — по поводу крестьянских ожиданий социальных изменений после окончания войны: «Ослабить немецкий милитаризм и засилье германской промышленности можно только умственным и техническим просвещением русского народа. Мужики это чувствуют инстинктивно и ждут преобразования. Никакой "Белой Арапии" в этом нет» [14. С. 193]. В данном случае *Белая Арапия* опять-таки используется как синоним народных социально-утопических ожиданий.

Итак, мы видим, что Белая Арапия прочно ассоциируется с социально-утопическими идеями и предстает как вымышленная далекая земля. Это позволяет поставить вопрос: существовала ли среди русского крестьянства социально-утопическая легенда о Белой Арапии? По-видимому, ответ на этот вопрос должен быть отрицательным. Во всех вышеперечисленных примерах образ Белой Арапии возникает в литературных произведениях или в речи интеллигенции, рассуждающей о народной психологии, и является обобщенным наименованием «далеких земель» русских народных легенд. В то же время во всех фиксациях этого образа в фольклоре (материалы Дикарева и Крылова) — к сожалению, очень немногочисленных — Белая Арапия не несет в себе никакой связи с социальным утопизмом. Нам не известно ни одного исторического примера побегов крестьян в Белую Арапию или поисков этой страны — в то время как «далекие земли» реальных народных легенд всегда были объектами поисков. Характерно, что К.В. Чистов в своей монографии (см. [20]) ни разу не упоминает о Белой Арапии. Сам топоним вряд ли мог бы навести русских крестьян на социально-утопические ассоциации: очевидно, что жителями этой страны являются арапы, т.е. не русские и не православные люди — в то время как «далекие земли» всегда мыслились или как страны с благочестивым православным населением (Беловодье, Город Игната) или как свободные, незаселенные земли (река Дарья, Анапа). Наконец, одновременное восприятие Белой Арапии как счастливой далекой страны и как эсхатологического противника представляется крайне маловероятным: мы не знаем случаев подобного сочетания мотивов не только в русской, но и в мировой культуре.

Таким образом, можно предположить, что употребление топонима *Белая Арапия* в социально-утопическом контексте восходит к роману Г.П. Данилевского «Воля». В годы крестьянской реформы его романы «Беглые в Новоросии» и «Воля» не могли не вызвать большого читательского интереса. После выхода романа «Воля» выражение «Белая Арапия» закрепилось в литературе и речи интеллигенции, но не было известно народу. По всей видимости, важную роль здесь сыграла экстравагантность этого топонима, призванная подчеркнуть абсурдность народных поисков «далеких земель».

Но откуда о Белой Арапии узнал Г.П. Данилевский? Следует отметить, что писатель был хорошо знаком с жизнью народа: в 1850-е гг. он занимался описанием побережья Азовского моря и устья Дона, в 1860-е вел активную общественную работу в Харьковской губернии и мог услышать о Белой Арапии от простонародья юга России. Основной вопрос заключается в том, принадлежит ли употребление этого выражения в социально-утопическом контексте самому писателю или оно было заимствовано им из народной традиции. Дополнительную сложность создает непоследовательный характер использования фольклорных материалов в романе «Воля». Так, героиня романа, критически относящаяся к поискам Белой Арапии, рассказывает, что ее муж в молодости пытался бежать на Сырдарью (вспомним о поисках крестьянами «реки Дарьи»). С другой стороны, географическая локализация Белой Арапии «на речке Белорыбице» выглядит скорее как авторская фантазия, чем как заимствование из фольклорной традиции.

Даже если предположить, что социально-утопическая трактовка Белой Арапии стала известна Г.П. Данилевскому из народной традиции, мы имеем дело либо с малоизвестной локальной традицией либо с окказиональным переосмыслением образа Белой Арапии кем-то из информантов Данилевского. В любом случае назвать причины подобного переосмысления не составляет труда — белый цвет в русской традиции нередко связывался с образами «далеких земель». К.В. Чистов отмечает: «В словаре И. Срезневского, так же как и в академическом «Словаре русского языка», значение «белый» — «чистый», «свободный», «вольный»

— специально выделяется и истолковывается <...> Напомним еще о том, что в XIX в. На Алтае параллельно с легендой о Беловодье бытовала легенда о Белогорье, раскольничье селение в Австрии называлось Белой Криницей и т.д.» [20. С. 292]. Очевидно, что эти ассоциации могли прийти в голову как народным рассказчикам, так и самому писателю.

Скажем несколько слов о пространственно-временных рамках бытования народных легенд, связанных с образом Белой Арапии. Мы предполагаем, что они зародились в 1830-е гг.; их наиболее поздние фиксации относятся к 1890-м гг. В 1906 г. Н.И. Крылов говорит об этом образе уже в прошедшем времени («в русском народе, особенно по Черноморскому побережью, любили рассказывать о Белорапии, о войне с белыми арапами» [8. С. 694]). Заметим, что большинство упоминаний Белой Арапии связаны с южными губерниями: Н.А. Крылов говорит о «черноморском побережье» и Херсонской губ., М.А. Дикарев — о Воронежской губ., действие романа Данилевского и повести Левитова также происходит на юге России — скорее всего, на родине писателей в Харьковской и Липецкой губерниях.

Таким образом, топоним *Белая Арапия* и связанный с ним этноним *белые арапы* в результате исторической случайности оказались втянуты в мир русской народной культуры. Наиболее устойчивой характеристикой этого образа стала его связь с эсхатологической тематикой. В культуру и язык русской интеллигенции образ Белой Арапии, по всей видимости, попал благодаря роману Г.П. Данилевского «Воля» (1863), став популярным обозначением идеальной, несуществующей страны народных легенд.

Литература

1. Богораз В.Г. Собрание сочинений. Т. 7. СПб., 1911.
2. Григорьев А.А. Отживающие в литературе явления // Эпоха. СПб., 1864, № 7. С. 1 — 26.
3. Данилевский Г.П. Воля (Беглые воротились). М., 2011.
4. Дикарев М.А. Толки народа (в 1892 г.) о скорой кончине мира. // Этнографическое обозрение. М., 1894, № 2. С. 157—162.
5. Железнов И.И. Уральцы. Очерки быта уральских казаков // Он же. Полн. Собр. соч. Т. 1. СПб., 1910.
6. История Востока. Восток в Новое время (конец XVIII — начало XX в.). Кн. 1. М., 2004.
7. Книга об Антихристе: [Антология] / [сост., вступ. ст., коммент. Б. Деревенского]. — СПб., 2007.
8. Крылов Н.А. Откуда пошли белые арапы // Исторический вестник. СПб., 1906, № 5. С. 694-696.
9. Левитов А.И. Рассказы. Очерки. Воронеж, 1980.
10. Минорский В.Ф. У русских подданных султана. // Этнографическое обозрение. М., 1902. № 2, С. 31 — 86.
11. Островский А.Н. Собрание сочинений. Т. 2. Пьесы. 1857—1865 гг. М., 2008.
12. Островский А.Н. Тяжелые дни. М., 2013.
13. Тургенев И.С. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 2. М., 1999.
14. Фаресов. А.И. Отголоски войны в деревне // Исторический вестник. СПб., 1915. № 4. С. 172 — 199.

15. Хатунцев С. Мотив «китайской угрозы» у К.Н. Леонтьева и «леонтьевские мотивы» в «Трех разговорах» Вл.С. Соловьева // Эсхатологический сборник. СПб., 2006. С. 224—237.
16. Хождение на Восток Ф.А. Котова в первой четверти XVIII в. // Известия ОРЯС. СПб., 1907, Т. 12, Кн. 1, С. 67 — 125.
17. Чернов В.М. Записки социалиста-революционера. Берлин, 1922.
18. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 1999.
19. Чернышев В.И. Избранные труды. Т. 1. М., 1970.
20. Чистов К.В. Русская народная утопия. СПб., 2011.
21. Яворницький Д.І. Історія запорізьких козаків. Т. 1. Львів, 1990.

Живая старина, № 3(79), 2013 г., с. 36-38.